

СИРИЛ

ХЕЙР

Сирил Хейр

(настоящее имя – Гордон Кларк) –
мастер классического детектива.

Хейр получил образование
в Оксфорде и многие годы проработал
в британской системе правосудия.
Автор знаменитого «Чисто английского
убийства», к писательству он всегда
относился как к хобби – однако именно
книги принесли ему славу и вошли
в золотой фонд английского детектива.

СИРИЛ

ХЕЙР

САМОУБИЙСТВО
ИСКЛЮЧАЕТСЯ

.....

СМЕРТЬ В АРЕНДУ

АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х35

Серия «Золотой век английского детектива»

Cyril Hare
SUICIDE EXCEPTED
TENANT FOR DEATH

Перевод с английского
А. Кашина («Самоубийство исключается»),
И. Александрова («Смерть в аренду»)

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств
AP Watt Limited и The Van Lear Agency.

Хейр, Сирил.

Х35 Самоубийство исключается. Смерть в аренду :
[сборник : перевод с английского] / Сирил Хейр. —
Москва : АСТ, 2015. — 480 с. — (Золотой век англий-
ского детектива).

ISBN 978-5-17-084482-1

Отпуск инспектора Маллета не задался с самого начала: его соседа по столику, мистера Дикинсона, нашли мертвым в номере.

Местная полиция подозревает самоубийство, однако Маллет другого мнения. Он убежден: чтобы разгадать тайну гибели Дикинсона, необходимо внимательнее присмотреться к членам его весьма уважаемой на первый взгляд семьи...

Два молодых риелтора, которым поручили осмотреть дом, обнаружили там... тело известного финансиста. Вдобавок выяснилось, что предыдущий жилец, Колин Джеймс, бесследно исчез. Возможно, все это связано с недавним освобождением из тюрьмы банкира, осужденного как раз за аферу с недвижимостью? Инспектор Маллет начинает расследование...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© by Charles Gordon Clark
© Перевод. А.П. Кашин, 2014
© Перевод. И.В. Александров, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-084482-1

САМОУБИЙСТВО
ИСКЛЮЧАЕТСЯ

*Х.Х.Г.С.
В знак благодарности.
И с извинениями.*

Глава 1

УЛИТКА И ЕЕ СЛЕД

Воскресенье, 13 августа

Стоит только перевалить через вершину Пендлбери-Хилла в том месте, где на столбике у обочины красуется табличка «До Лондона 42 мили», как вашему взгляду откроется здание Пендлбери-Олд-Холла, располагающееся внизу чуть в стороне от дороги. Выстроенное в георгианском стиле, из красного кирпича, с высоты холма оно представляется подобием розовой жемчужины, покоящейся на изумрудно-зеленой бархатной подушке многочисленных газонов и лужаек, окружающих строение. Увидев все это, вы, может, подумаете, что владельцу Холла можно только позавидовать, если у вас есть склонность предаваться размышлениям, сидя за рулем автомобиля. Если же никуда не торопитесь, вы, возможно, сбросите скорость, спускаясь с холма, чтобы как можно лучше рассмотреть кованые металлические ворота и широкую буковую аллею, ведущую к простому, но весьма приметному фасаду. В этот момент вы почти наверняка обратите внимание на прикрепленную над парадным входом безупречную во всех отношениях вывеску, которая извещает о том, что перед вами отель «Пендлбери-Олд-Холл», и чуть ниже — все в том же строгом стиле, но меньшего размера — «Разрешение имеется. Отель открыт для публики».

В том случае, если ничто не покоробит вашего чувства хорошего вкуса, а находящийся в стороне от дороги

большой старый дом, достойная вывеска и красивый окружающий ландшафт понравятся даже при ближайшем рассмотрении, вы, вероятно, вновь погрузитесь в размышления и даже придете к выводу, что нашли наконец гостиницу своей мечты, где усталый путник может отдохнуть, положившись на доброжелательство и заботу со стороны обслуживающего персонала. И вот тут-то почти наверняка ошибетесь, упустив из виду, что английские загородные отели изнутри редко бывают такими, какими кажутся при взгляде со стороны.

Сидевший в гостиной отеля инспектор Маллет из Отдела криминальных расследований со стуком поставил на стол чашку с недопитым кофе, после чего с отвращением скривился и в который раз задался вопросом, как его угораздило переступить порог этого заведения. Все-таки он уже в годах и достаточно опытен, чтобы не попадать в такого рода ловушки. Ведь он мог, вернее, был просто обязан понять, как только переступил порог, что этот, с позволения сказать, отель ничем не лучше самого заурядного придорожного мотеля. Во всяком случае, здесь точно так же подают разогретый суп из жестянки и плохо прожаренную перемороженную рыбу, закуски готовят из остатков вчерашнего обеда, а на десерт приносят жесткие кубики консервированных ананасов, смешанные с безвкусными кружочками бананов. Подумать только: и это называется у них фруктовым салатом! Определенно, свежего десерта здесь не бывает, хотя на дворе стоит август, а отель находится всего в сорока двух милях от Ковент-Гарден, где фрукты и овощи только что с рынка, на каждом столике красуются бутылочки с соусами, а уж кофе и вовсе не чета той дряни, которую ему здесь предложили. Инспектор еще раз брезгливо поморщился, скосив глаза на чашку с недопитым кофе, и полез в карман за сигаретами, чтобы приглушить неприятный привкус во рту.

— Вам понравился обед? — послышался чей-то вкрадчивый голос у него за плечом.

Обернувшись, Маллет увидел чье-то худое морщинистое лицо с ввалившимися серыми глазами, смотревшими вопро- сительно, даже с отчаянием, что никак не вязалось с триви- альностью произнесенных слов.

Инспектор распознавал подобных людей с первого взгляда. Они любой ценой стремились прицепиться к ко- му-нибудь, чтобы поговорить — не важно о чем, главное, чтобы собеседник их слушал. В следующее мгновение Мал- лет с огорчением осознал, что этот любитель поговорить относился, помимо прочего, еще и к числу постоянных посетителей, имевших обыкновение засиживаться в го- стинной после обеда.

— Нет, не понравился, — коротко ответил инспектор. Он не надеялся так просто отделаться от говоруна, но попытать- ся все-таки стоило.

— Так я и подумал, — произнес старик приглушенным голосом, каким обычно разговаривают в общественных по- мещениях английских гостиниц. — Но вот они, — он кив- ком головы указал на других гостей, — придерживаются, по- хоже, другого мнения, не так ли?

— В том-то все и дело, — отозвался Маллет, хотя и не со- бирался продолжать разговор — просто этот субъект затро- нул волнующую его тему. — Пока большинство клиентов безропотно съедают все, что им подают, рассчитывать на по- ложительные изменения в здешнем меню не приходится. Так какой смысл ругать загородные отели? Всему виной люди. Те, что тут обедают, наверняка сочтут себя обманутыми, если вместо пяти откровенно плохих блюд им принесут два хоро- ших.

— Ах, это действительно так! — воскликнул незнако- мец. — Хочу, однако, заметить, мой дорогой сэръ, что го- товить ежедневно пять качественных блюд на ленч и обед в нынешних условиях практически невозможно. По од- ной простой причине: кухня слишком мала. Вот если бы у владельцев нашлись деньги на расширение кухни, было бы совсем другое дело. Но денег нет, и этим все сказано.

Так что хозяевам остается лишь делать хорошую мину при плохой игре и в случае критики со стороны особенно привередливых клиентов ссылаться на временные трудности. Между тем с каждым моим приездом сюда пища становится все хуже. Как это ни печально.

Приглядевшись, инспектор заметил, что у незнакомца и впрямь чрезвычайно удрученный вид.

— Похоже, вы очень хорошо знаете это заведение, — произнес он. — Часто бываете здесь?

— Я родился в этих местах, — просто ответил собеседник.

Маллет подумал, что незнакомцу лет шестьдесят, возможно, чуть больше. Он обладал редкими седыми волосами и бесформенными усами с желтыми пятнами от никотина и казался инспектору довольно непривлекательным типом, но при этом вызывал у него необъяснимую жалость. Более того, инспектор неожиданно подумал, что хотел бы продолжить разговор. Однако Маллет не собирался нарушать тишину первым, поскольку незнакомец погрузился в свои, очевидно невеселые, мысли.

Спустя несколько минут он встрепенулся и вынул из кармана пиджака весьма потрепанную карту района. Из другого кармана он извлек перьевую ручку и бутылочку туши. Затем, разложив карту, принялся аккуратно вычерчивать на ней загадочную зигзагообразную линию.

— Мой путь за день, — объяснил он. — Регулярно отмечаю.

Заглянув ему через плечо, инспектор отметил, что неровная линия, которую незнакомец только что нарисовал, была лишь одной из многих, вычерченных ранее. Некоторые из них даже поблекли от времени, но все они, в каком бы направлении ни тянулись, имели одну отправную точку на карте — Пендлбери-Олд-Холл. Маллет счел нужным как-то это прокомментировать и, не придумав ничего лучше, проговорил:

— Похоже, вы путешественник... Любите ходить пешком, не так ли?

— Да, вернее, был им. А это заведение, как говорят моряки, мой последний порт приписки. — Он указал на исчерченную изломанными линиями карту. — В свое время я исходил в этих краях немало дорог. Это прекрасная земля, поверьте, и особенно хорошо это знают те, кто ее изучил. — Он с волнением посмотрел на инспектора, словно ожидая услышать его возражения, с минуту помолчал и добавил: — Сюда же регулярно захожу с тех пор, как вышел на пенсию. — Последние слова незнакомец произнес шепотом, будто в них было что-то постыдное. — Теперь свободного времени стало больше. Не поверите, но в прошлом году я пришел пешком сюда аж из самого Шрусбери!

— Неужели?

— Именно так. Но сейчас я уже не могу слишком часто бывать здесь, да и вообще реже выбираюсь из дома. Доктор рекомендовал мне больше отдыхать. Но как бы то ни было, если уж пускаюсь в путь, то обязательно посещаю Пендлбери-Олд-Холл.

Он с чувством похлопал ладонью по карте и пробормотал:

— Обратите внимание: почти все линии сходятся в этой точке. Удивительно, не так ли?

Маллета так и подмывало сказать, что ничего удивительного в этом нет, поскольку незнакомец сам выбирал этот маршрут, но, заметив в глазах собеседника чувство безграничной печали, предпочел промолчать.

— Я часто думаю, — вновь заговорил незнакомец, откладывая карту в сторону, — что в своих странствиях мы оставляем за собой некий след, похожий на след улитки. Что касается моих собственных следов, то они странным образом концентрируются именно в этом месте. Между прочим, первые двадцать лет моей жизни их можно было обнаружить в здешней округе куда чаще, чем где бы то ни было. Но сейчас я все больше задаюсь вопросом, где они закончатся.

Откровения незнакомца основательно смутили инспектора, обладавшего сдержанным характером, поэтому вместо

того, чтобы что-то сказать, он предпочел прочистить горло и довольно громко откашляться.

— Разумеется, — продолжил незнакомец по-прежнему приглушенным голосом, — у нас есть перед улиткой определенное преимущество, ведь мы можем оборвать свой след, где и когда захотим.

— О чем вы только говорите, дорогой сэр! — воскликнул инспектор, когда в полной мере осознал смысл сказанного.

— А почему бы и нет, в конце концов? Возьмем, например, мой случай. Нет, «например» — неудачное слово. Меня ведь другие случаи не интересуют. Поэтому просто рассмотрим мой случай. Я человек пожилой, прожил на этом свете довольно долго, насмотрелся всякого и со всей уверенностью могу сказать, что лучшая часть моей жизни уже позади. Разумеется, прежде чем оборвать свой след, я должен обеспечить семью и, поверьте, позабочусь об этом. Так или иначе...

— Значит, у вас есть семья? — перебил его Маллет. — Тогда, конечно...

— О, я отлично знаю, что вы хотите сказать, — произнес незнакомец тусклым усталым голосом. — Но не льщу себя надеждой, что члены моей семьи будут сильно обо мне горевать. Сейчас, возможно, им кажется, что будут, но этого не случится. Они идут своей дорогой, и оставленные ими следы редко пересекаются с моими. Осмелюсь заметить, что это моя вина. Я не жалею, просто констатирую факт. Не следовало жениться на женщине, которая моложе меня на пятнадцать лет. Она...

Он неожиданно замолчал, когда кто-то вошел в гостиную, миновал кресло, в котором расположился Маллет, и проследовал в дальний конец помещения.

— Вот тебе раз, — снова заговорил незнакомец. — Боюсь, я ошибся, сэр. Принял джентльмена за своего знакомого, но этого просто не может быть. Впрочем, когда смотришь на человека со спины, бывает, что и ошибешься... Итак, возвращаясь к прерванному разговору, скажу

следующее: дочь очень меня любит. Правда, на свой манер. И я ее люблю — но тоже по-своему. Тогда какого черта притворяться, что мы так уж друг другу необходимы? Мне, например, не нравятся ее друзья, а в ее возрасте это очень много значит.

Маллет снова начал терять интерес к разговору. Привыкшему к порядку инспектору высказывания собеседника стали казаться несколько путанными и бессвязными. К примеру, прервавшись из-за вошедшего джентльмена, он, заговорив снова, неожиданно затронул тему отношений с дочерью, хотя до этого говорил о своей слишком молодой жене. Иными словами, его речь напоминала поток сознания без всякой логики.

Тут незнакомец, вновь оживившись, сообщил неожиданно громким и уверенным голосом, что не прочь выпить бренди, и добавил:

— Доктор, правда, не велит, но к черту всех этих эскулапов! В любом случае умираешь только раз. Очень прошу вас, дорогой сэр, выпить вместе со мной. Отказы не принимаются, более того, я настаиваю на своем предложении! Кстати сказать, в винном погребе отеля имеется несколько бутылок качественного старого бренди, привезенного в незапамятные времена, когда еще был жив мой отец. Так что останетесь довольны. Помимо всего прочего, бренди поможет вам переварить дурной обед, который вы только что съели.

Инспектор позволил себя уговорить, искренне полагая, что хорошее бренди явится своего рода компенсацией за проявленное им терпение и снисходительность по отношению к этому господину. Когда официант принес бокалы, незнакомец сказал:

— Очень хотелось бы знать, с кем я пью. Полагаю, и вам тоже.

С этими словами он протянул Маллету карточку, на которой значилось: «Мистер Леонард Дикинсон», — а также указывался некий адрес в Хэмпстеде. В ответ инспек-

тор назвал свои имя и фамилию, но утаил место работы и должность, не желая привести Дикинсона в замешательство и вызвать целый шквал ненужных вопросов.

— За ваше здоровье, дорогой мистер Маллет! — возгласил Дикинсон.

Казалось, вечер должен завершиться на более оптимистичной ноте по сравнению с той, с которой начался. Но когда бокалы опустели, Дикинсон снова вернулся к прежней теме.

— Отличное бренди, — заметил он. — Напоминает о старых добрых временах. В те дни место, где мы сейчас находимся, представлялось моей семье третьеразрядным заведением. Однако так уж случилось, что именно этот отель вызывает у меня воспоминания о коротких мгновениях счастья, которые когда-то были.

Дикинсон с минуту помолчал, втягивая носом аромат, все еще исходивший от его пустого бокала.

— Вот почему, — добавил он со значением, — если моему следу суждено где-то пресечься, мне бы хотелось, чтобы это совершилось здесь. Более того, я почти уверен, что все именно так и случится.

Дикинсон поднялся с места.

— Доброй ночи, сэръ, — произнес он. — Полагаю, вы останетесь ночевать в «Пендлбери-Олд-Холле»?

— Да, — ответил Маллет. — Хотя завтра у меня кончается отпуск, я собираюсь наслаждаться радостями сельской жизни до последней минуты. Надеюсь, мы увидимся за завтраком?

Дикинсон позволил этому невинному вопросу повиснуть в воздухе, после чего промолвил:

— Возможно, — и ушел.

Маллет еще некоторое время наблюдал, как тот шел нетвердой походкой смертельно усталого человека к выходу из гостиной, остановился в холле у стойки девушки-администратора и, что-то сказав ей, медленно двинулся вверх по лестнице.

Проводив Дикинсона взглядом, Маллет зябко повел плечами. Все-таки общение с этим человеком сказалось на нем не лучшим образом, и он не мог отделаться от ощущения, что наблюдал за мертвецом, неспешно следовавшим к своей могиле. Инспектору тоже надо было идти спать, но он отправился в свою комнату не раньше, чем прикончил еще один бокал бренди.

Глава 2

СЛЕД КОНЧАЕТСЯ

Завтраки в английских загородных отелях обыкновенно много лучше обедов, поэтому на следующее утро основательно подкрепленный сном инспектор с обычным аппетитом накинулся на поджаренный бекон и яичницу. Надо сказать, Маллету удалось хорошо выспаться лишь благодаря выпитому на ночь чудесному бренди, поскольку матрас в его номере можно было сравнить разве что с камнем.

За завтраком Маллет неоднократно возвращался мыслями к любопытному разговору, состоявшемуся у него вчера с мистером Дикинсоном. Его занимал этот говорливый, недовольный старик, странным образом повернутый на своем отеле. Помимо всего прочего, мистер Дикинсон показался инспектору весьма мрачным субъектом. Если он в подобной манере выражает свои мысли и дома, подумал Маллет, то нет ничего удивительного в том, что домочадцы его недолюбливают. При всем том инспектор сочувствовал старику, поскольку Дикинсон, если не обращать внимания на его странности, производил впечатление человека, незаслуженно обиженного судьбой. И очень одинокого, поскольку начал откровенничать с Маллетом, которого видел первый раз в жизни. Более того, в разговоре намекал на свое намерение совершить самоубийство. При мысли об этом инспектор пожал плечами, по-